

Из капсулы я вылезла в том самом бесшабашно-нетерпеливом настроении, какое бывает в предвкушении приключения. И пусть это всего лишь незапланированная поездка в незнакомый город к незнакомому человеку, такие моменты заставляют сердце биться чаще. Кто-то может назвать это легкомыслием, но я всегда считала, что жить стоит именно ради таких вот моментов, когда чувство правильности происходящего позволяет отмести все возражения разума.

Вещи были собраны за полчаса и уместились они в одном объёмистом рюкзаке. К нему присоседился футляр с синтегитарой, так что, не считая голопроектора, я была готова к путешествию.

Ребята отнеслись к моей поездке с пониманием, вот только Витёк безапелляционно заявил:

— Я с тобой скатаюсь, гляну сперва на этого хмыря. А то на словах он может и едва ходит, а на деле извращенец какой. Если нормально всё — с Морозом обратно и укачу, а нет — в рожу ему пропишу, и вместе вернёмся.

Возражать было и бессмысленно, и бесполезно, так что я звякнула Чипу и сообщила, что приеду не одна. Тот заверил, что никаких проблем с этим нет, и мне показалось, что он только обрадовался тому, что компания увеличится. Видимо, вконец допекло сидеть в одиночестве.

— Жабе только не говори, весь мозг вынесет, — посоветовал Чарский. — Если концерт нарисуетя — заранее предупредим, успеешь назад вернуться. Тут монорельсом часов пять всего, проблем быть не должно.

— Слушай, Кирка, а оставь мне ключи от хаты, — оживился Страус. — Тебе всё равно, а я от родаков свалю хоть на время.

— Смотри только сам родителем за это время не стань, — заржал Чарский. — А то ударит ветер свободы в голову, последние мозги растеряешь.

Страус погрозил ему кулаком, но на Юрку это особого впечатления не произвело.

— Держи, — ключи перекочевали в руку Страуса. — Комуналку за время своего проживания сам платишь. И чтобы мне соседи потом не толкали гневные речи о грохоте среди ночи. В шкаф с бельём не лезь — убью, — предупредила я.

Выслушав клятвенные заверения в чистоте помыслов Страуса, я получила голопроектор, и уже вечером мы с Витьком стояли на вокзале в ожидании поезда. В руке Зверь держал бутылку коньяка — проставон Морозу за понимание и поддержку — и довольно улыбался.

— Хоть развеюсь, — объяснил он своё приподнятое настроение. — Да и места там хорошие, может, на денёк-другой в горы уйду, у костерка посижу, подумаю о своём.

Это, собственно, объясняло наличие туристического рюкзака и спальника у него за плечами.

— Если что, там город прямо на подошве горы, позвонишь — быстро подскочу, — добавил он.

— Да ладно тебе, — весело отмахнулась я от своеобразной Витиной заботы. — Сам знаешь, я в людях неплохо разбираюсь. Нормально всё будет.

— Вот что я в тебе, Кирка, люблю, так это твою здоровую веру в людей, — во всю свою немалую физиономию ухмыльнулся Зверь. — И помочь всегда готова, и электрошокер с собой носить не

забываешь.

— Шокером и добрым словом можно добиться больше, чем просто добрым словом, — перефразировала я известную фразу древнего гангстера.

Подкативший состав прервал наш разговор, а вышедший на перрон Мороз и вовсе начал вечер воспоминаний с распитием подарочной бутылки коньяка. В итоге, пока мои набравшиеся приятели вспоминали школьные годы, я осваивалась с работой проводника — выдавала гражданам постельное бельё и традиционные в нашем секторе винтажные стаканы в подстаканниках из нержавеющей стали. Сам Мороз подскакивал только по пisku таймера, оповещавшего о скором прибытии на очередной вокзал. Не знаю уж, что он находит в такой жизни, но Морозу нравились подобные путешествия. За какие-то шесть лет он успел объездить не один сектор, причём часто даже не в рамках работы, а просто катаясь со знакомыми проводниками по приглянувшемуся маршруту.

В Пятигорск мы прибыли ранним утром и, отказавшись от услуг излишне навязчивых таксистов (обычных людей, самостоятельно управлявших невообразимо раритетными авто с самыми настоящими двигателями внутреннего сгорания и без единого признака современных технологий), отправились в путь. Идти по старомодному городу, часть построек которого сохранилась ещё с лермонтовских времён, было одно удовольствие, и мы с Витьком предпочли потратить час на пешую прогулку по Пятигорску. Располагался город на подошве горы Машук, отчего ни одна улица не была ровной — практически всегда мы шли либо в гору, либо с горы. Мимо неспешно шагали по своим делам местные, поскрипывал на поворотах старомодный трамвай, а от многочисленных клумб удивительно приятно пахло цветами.

Чип жил в районе со смешным и запоминающимся названием Белая Ромашка в типовой многоэтажке, мало чем отличающейся от прочих виденных мной в самых разных городах. Лифт, традиционно, не работал, и если мы без проблем поднялись на четвёртый этаж, то самому Чипу явно было не просто добираться до госпиталя в случае необходимости.

Дверь открылась сразу, явив нам ирха в образе человека. Причём ростом Чип реальный почти не уступал своему виртуальному аватару. Даже на глаз явно за два метра, да и плечи едва вмещались в дверной проём. Рубленые черты лица, квадратный подбородок, глубоко посаженные синие глаза... вернее - глаз. На месте второго находился имплантат. Портрет завершали длинный нос с горбинкой, высокий лоб и светло-русые волосы, где-то подстриженные коротким армейским "ёжиком", а где-то ещё не восстановившиеся после огня. На фоне этого детины Витя — далеко не маленький мальчик — казался щуплым подростком.

Одет Чип был в зелёные шорты-бермуды и мешковатую оранжевую футболку, под которой угадывались очертания регенерационного аппарата, чьи собраты обосновались на ногах и лице хозяина дома, действительно придавая ему сходство с киношными злодеями-киборгами из космических боевиков. Сходство усиливали глазной имплантат в левой глазнице, горевший зловещим тускло-зелёным цветом, и наплётки биопластыря на местах, где приживалась пересаженная на обожжённые участки кожа. А ещё он выглядел моложе, чем я ожидала. Из-за повреждений нельзя было сказать наверняка, но никак не старше сорока.

— Ого, — прогудел он с тем самым металлическим дребезжанием, что и по телефону. Только сейчас причина такого звучания была видна наглядно: на горле Чипа мигал индикатором ещё один регенератор живых тканей. Неуклюже переставляя ноги, он подковылял поближе и протянул лопатообразную лапищу, которую Витёк тут же невозмутимо пожал.

— Паша, — представился Чип. — Не думал, что у тебя и в жизни шевелюра такого...

необычного колера, прям как у Кисы Воробьянинова.

Причёска моя до сих пор заставляла деда ласково звать меня “попугайчиком”, а бабушку горько вздыхать, сетуя на дикие нравы молодёжи. Как по мне, так ярко-синие волосы с несколькими разноцветными прядями были вполне приличным и даже консервативным вариантом, особенно если сравнивать с шевелюрами большей части моих знакомых.

— Витя, — представился басист и тут же примерил привычную уже для меня роль неуча. — А что за Киса такая?

— Такой, — поправил Паша-Чип. — Один из главных героев книги “Двенадцать стульев”. Так, заходите давайте, а то там на столе всё стынет. Вы как через Машук ползком перемахивали, право слово...

Мы с Витьком зашли в пропахшую медикаментозным, характерным для больниц, запахом квартиру и огляделись. Если не считать африканских масок вперемешку с явно милитаристскими штукovinaми на стенах и полках и огромного количества снимков в рамках (по-моему, там были даже древние плоские, двухмерные чёрно-белые фотоснимки), обстановка оказалась вполне обыкновенная. Ну, почти — две стены в зале занимала старомодная библиотека с самыми настоящими бумажными книгами.

— Прогулялись пешком, — я бухнула рюкзак на пол, и аккуратно примостила зачехлённую синтегитару к стене. — Кстати, мне всегда казалось, что тебе полтинник годков. И что ростом ты поменьше.

— Это с какого перепугу? — опешил Паша и медленно, с явным усилием переставляя ноги, зашагал к кухне. — Мне тридцать шесть всего, так что попрошу не причислять меня к стану раритетных персонажей! Так, и коридор не надо загромождать — айда к столу, мой нахлебник уже всё приготовил. Хоть какая-то польза от этих придурков электронных...

За столом, как водится, знакомство продолжилось, и уже к десерту тонкий ледок неловкости первых минут общения треснул. Чип в разговоре оставался ровно таким же, как и в Барлионе. Единственным неудобством был глазной имплант: я то и дело ловила себя на том, что начинаю на него таращиться, и каждый раз испытывала от этого неловкость. Ну и тоскливый взгляд Паши в процессе поглощения им какой-то пюреобразной массы через трубочку вызывал чувство лёгкого стеснения от собственной возможности нормально есть. А вот Витька, похоже, ничто не пронидало: сидел себе и безмятежно уплетал за обе щеки предложенный завтрак. Вероятно, свою роль сыграл принятый в поезде коньяк, но Зверь и по жизни никогда не отличался особенной впечатлительностью, так что сказать наверняка было невозможно.

Общей темой разговора логично стала Барлиона, как единственное, что объединяло всех присутствующих.

— И всё равно я этот пучок редиски найду и употреблю без масла, — поделился своими мечтами добраться до ненавистного Ухогорлореза Паша.

— Эт да, — солидарно кивнул Витёк, — за такое надо морду рихтовать по самые ноги.

— Сказали два великих воителя, не добравшиеся даже до десятого уровня, — я искренне развеселилась от таких разговоров.

— И чего? У меня вон братан без всяких уровней этих самых ПКшеров крошит, как повар начинку для пирогов, — возразил Паша. — Теперь не знает, куда от заказов деться.

— Это как? — во взгляде Зверя появился недобрый огонёк. Вот уж у кого за непродолжительное время игры уже появился длинный список недругов.

— А он свою реальную практику в игре применил, — охотно объяснил Паша. — Ловушки всякие. Заманивает на них, и всё, готово — супостат спёкся.

— Зачёт! — восхитился Витюха. — А научить может?

— Да запросто, — заверил Паша. — Как раз подскочить должен — капсулу притарабанить.

— Вить, — встряла я, — давай смотреть правде в глаза: где ты, а где ловушки и заманивание? У тебя терпения не хватает даже оскорбление до конца дослушать, а тут выжидание, подготовка. Опять впаяешь промеж ушей, без всяких там хитростей.

— Может, и впаяю, — не стал спорить Зверь, — но попробовать-то можно. На басуху-то терпения хватило, может и тут хватит.

— У тебя с басухой нежная любовь, — возразила я и тут же осеклась. — Хотя... С ПКшниками это тоже любовь. Пусть не обоюдная, пусть своеобразная, пусть противоестественная...

— Ща я точно кому-то промеж ушей залеплю, — мрачно пошутил Витёк, но от идеи освоить ловушечное кунг-фу явно не отказался.

— Вот только без рукоприкладства в расположении, — махнул здоровой рукой Паша. — Вы как первгодки, право слово... Хотя, дети — вы дети и есть.

— Молчи уж, старче, — фыркнула я в ответ. — Ты вообще в Барлионе брякнул как-то, что тридцать лет в горах летаешь, так что я искренне считала, что тебе за пятьдесят.

— Я? — удивился Чип, затем ненадолго задумался, а потом рассмеялся.

— Это из песни слова, — пояснил он. — Монолог вертолёта. Вот, — Паша щелкнул пальцами, подавая команду имитатору.

— “Я — Ми-восемь”, воспроизвести, — приказал он.

Судя по звучанию, песня была древняя, записанная с помощью далёкой от совершенства техники, и повествование, как я позже поняла, велось от лица вертолёта. И там действительно звучали сбившие меня с толку строки.

— Да, это я лопухнулась, — признала я, когда песня закончилась. — Ну да фиг с ним, с возрастом, как говаривала моя бабушка, мне из тебя суп не варить.

— Как будто ты умеешь варить суп, — как всегда прямодушно хохотнул Витёк.

— А зачем мне уметь, когда есть автоповар? — привычно отмахнулась я.

— Херня ваш автоповар, — тут же влез Чип. — Никогда ни один даже самый совершенный автоповар не сможет приготовить так, как человек. Если бы эти куски пластика спинтронные могли сравниться с живым поваром — да-а-авно бы уже во всех ресторанах вкалывали роботы, а не человек. Но, как видите, живой разум всегда побеждает тупую железяку! Ибо ну не может эта хрень работать по принципу “жменя такого-то и пол-щепотки такого-то”!

— Ну, во всяком случае пока эти железяки справляются лучше меня, — вступилась я за

незаслуженно охаянную бытовую технику.

— Ничего, не можешь — научим, не хочешь — заставим, — “утешил” меня Паша под одобрительное ржание Витька. Спелись, блин...

Капсула прибыла примерно через пару часов, сопровождаемая жизнерадостным воякой в зелёном мундире с кучей непонятных мне нашивок и эмблем. Вновь прибывший аккуратно приобнял Пашу, наградил меня и Зверя подозрительным взглядом, а потом возмущённо заявил:

— Паш, прикинь, гопы вконец оборзели — меня щемить пытались!

— И чё-как? — лениво поинтересовался Паша.

Судя по его реакции — точнее, отсутствию оной, — подобная ситуация для данного экземпляра вида “хомо милитарис” была обыденностью. И это было бы вполне объяснимо, будь новое действующее лицо Пашиных габаритов, но нет. Выглядел он совершенно обыкновенно, не выделяясь ни высоким ростом, ни богатырским телосложением, ни гипертрофированной мускулатурой героя боевика. Среднего роста, худощавый, длинноносый, он больше походил на актёра, играющего роль одного из мушкетёров в новой киноверсии бессмертного романа Дюма, если бы не взгляд. Даже когда солдафон улыбался и гримасничал, взгляд оставался тяжёлым и недобрым, будто он не смотрел на меня, а выцеливал.

— Помогали моему имитатору наводить порядок в расположении! — как ни в чём не бывало браво отрапортовал доставивший капсулу вояка.

— Вот всё б тебе маленьких обижать, — вздохнул Паша. — Жрать будешь?

— И от пары стопариков беленькой тоже не откажусь! — не стал ломаться его приятель. — А это что у тебя, — мотнул он головой в нашу сторону. — Филиал Груши?

— А это, Котофеич, — веско заявил Паша, — Кира и Витя. Так что оставь свои понты за дверью, тут все свои. Не обижайтесь на него, ребят, — повернулся он к нам. — Это разводос, у них всё не как у людей.

— Молчи, железный ангел! — ухмыльнулся обозванный “Котофеичем”. — И завидууй молча. Саня, — наконец представился нам вояка.

Руки он, впрочем, не протянул и во взгляде нового знакомого чувствовалась вежливо скрытая неприязнь.

— Виктор, — без особой надобности представился Зверь, и по его задумчиво прищурившимся глазам я поняла, что басист как раз находится в опасных раздумьях, а не хотят ли его обидеть. Обид Витя не спускал, и знакомство рисковало стремительно перерасти в драку, так что я поспешно перевела разговор в другое русло.

— А ты, стало быть, тоже в Барлиону играешь?

— Играл, — уточнил Саня, направляясь на кухню. — Чуть подурачился, и хватит — нефига жизнь впустую просаживать, — добавил он, едва ли не по пояс занырявая в холодильник. Судя по его с Пашей общению, дружили эти двое не первый год, и как бы не дольше, чем мы с Морозом и Витей живём на этом свете.

— О, охотничьи колбаски! — раздалось из недр холодильника, а затем последовало одобрительное чавканье. — И водка! Кто компанию составит? Облomu не предлагаю — он выпивший дурной становится!

— Сейчас я кому-то язык по самую жопу обломаю! — шутливо рявкнул Паша.

В ответ из холодильника раздалось презрительное фырканье.

— Водку тащи, — тут же оживился Зверь, в глазах которого Сашка явно прибавил с десятков очков привлекательности.

— А почему Облом? — поинтересовалась я у Паши.

— Потому что большой я, — чуть смущённо пояснил тот и проводил завистливым взглядом своего товарища, торжественно шествующего к столу с бутылкой водки и связкой колбасок в руках.

— Не уловил связи, — признался Витёк, бережно принимая бутылку и разливая содержимое по стопарикам, выуженным Сашкой откуда-то из недр кухонных шкафов.

— А, так, в детстве называли, — Паша уселся рядом, гипнотизируя бутылку взглядом. — Этот вот шалопай... — лётчик кивнул на нарезающего колбаски “разведоса”, — ... первым и назвал. За обещания по самую ж... насмешников обломать.

Заметив страдальческий взгляд нашего выздоравливающего, я с Сашкиной помощью отыскала пару подходящих бокалов, налила туда апельсинового сока, вставила соломинку и дополнила композицию нацепленными на края дольками лимона.

— Держи, — я пододвинула бокал к Паше. — Представь, что мы с тобой, как культурные люди, пьём алкогольные коктейли, пока эти жлобы нажираются водкой. При должной фантазии даже все признаки опьянения появятся.

— Это да, — подтвердил Витюха. — Не представляю как, но Кирка умудряется без выпивки поддерживать беседу в бухой компании.

— Ну, кто-то же должен вам с утра рассказывать, что вчера было, — философски заметила я, потягивая сок через трубочку. Паша последовал моему примеру, но, похоже, ему это “плацебо” особо не помогло.

— О, у нас появился придворный летописец! — обрадованно провозгласил Сашка и чокнулся с нашим басистом. — Ну, за летопись!

К концу первой бутылки гроза миновала: Зверь и Сашка стали добрыми приятелями, а к вечеру, когда наконец решили расползаться, были уже друзьями не разлей вода. За это время успели приехать и даже уехать вызванные ещё с утра монтажники из местного офиса корпорации Барлиона, кои подключали и тестировали капсулу. Возвращаться в игру никому особенно не хотелось, так что, как это часто бывает, проговорили мы до середины ночи. Точнее, говорили мы с Пашей, а Витёк, сонно пробормотав “Хэви метал вашим душам”, в бессознательном рухнул на диван, где теперь и спал прямо в одежде.

— М-да, совсем разучилась пить молодёжь, — глядя на него, выдал очередную цитату Пашка. — А ведь этот ещё из лучших... Ты это, на Саню не дуйся — недолюбливает он неформалов, хоть мы с ним и сами такими же были.

— Мне с ним детей не крестить, — отмахнулась я, — так что пусть недолюбливает кого угодно — мне-то что?

— Не зарекайся, — подмигнул Пашка. — Кто знает, как жизнь повернётся? Он парень неженатый, так что... — окончание фразы многозначительно повисло в воздухе.

Вот слышала бы его сейчас моя бабуля — расцеловала бы, невзирая на живого дедулю. Вот уж кто любитель заводить подобные речи и настойчиво сватать всех подряд “хороших мальчиков”.

— Признайся, после тридцати к людям приходит специально обученный человек и внедряет в голову желание оженить всех непричастных? — потребовала я.

— А это не от возраста зависит, — отбрехался Пашка. — Я вон в двадцать женился, Котофеич свидетелем на свадьбе был.

— То есть ты сам пострадал от режима и теперь чувствуешь себя должным и другим гадость сделать? — не удержалась я.

— Да, меня завербовали, — прижав руку к груди, “сознался” Пашка.

— Слушай, а чего твой друг так музыкантов-то не любит? Ну, до первой бутылки, — уточнила я, припомнив стремительно налаживающийся за распитием спиртного контакт.

— А мы сами из этой среды, говорю же, — приоткрыл тайну Паша. — Просто... Неформал неформалу рознь, понимаешь? Вот вы с Витей — неформалы, а нам с Котофеем не повезло в “деформальную” компанию попасть. Ту, что даже сейчас — ну, кто не помер от пьянки и наркоты — так и осталась на уровне шестнадцатилетних подростков, для которых было шиком набренчать на гитаре мелочи на пару бутылок рома и солидно рассуждать о “пути неформала”. Да ты и сама, наверное, таких встречала.

— Дегенератов везде хватает, куда ни плюнь, — озвучила я всем известную истину.

— Именно. Но Саня с тех пор, как мы выбрались из этого болота, всех представителей неформального течения встречает именно так — по одежке. А уж провожает по уму, — Паша допил свой слабенький чай.

— То-то они с Витюхой в одной лиге оказались, — не удержалась я и ткнула в сторону дивана, на котором заливисто храпел Зверь.

Паша проследил за моим пальцем и вздохнул:

— Почти. Мы с ним пить начали... позже. Когда впервые в Африку попали. Великое княжество Ордена Имбанга-Ле — слышала про такое?

— Сам догадаешься или мне удивлённо хлопнуть ресницами?

— В общем... Были такие деятели, пытались возродить, так сказать, свои культурные традиции. Сашка там и намастырился свои поделки мастерить. Ну и... водку пить тоже там... научились. А ты, кстати, чего не пьешь? Нет, я не против, только за, просто... необычно для рокера.

— Просто я никогда не понимала прелести алкоголя. Подростком ещё попробовала, но особого эффекта не ощутила. Всё то же самое, что до выпивки, но мутит и тошнит. А потом насмотрелась на бухих товарищей, — кивок в сторону Витька, — и как-то появилась стойкая

неприязнь к целенаправленному доведению себя до скотского состояния. Как говорил Пифагор — пьянство есть упражнение в безумстве.

— Да уж, жизнь непредсказуема. Никогда не думал, что встречу рокера-трезвенника, — удивлённо протянул Паша, подперев кулаком подбородок и глядя куда-то в стену.

— Нет ничего невозможного, — я подмигнула задумавшемуся Чипу и широко зевнула.

— Так, давай уже чуть по чуть и спать укладываться, ага? Мне утром картриджи менять придут, так что товарищ эскулап со своей бригадой поспать тебе спокойно не дадут. Витька только растолкать надо — чего он одетый спит?

— Бесполезно, — отмахнулась я. — Когда проспится — помоемся и переоденемся, не маленький. Ладно, спокойной тебе ночи.

Утром Витёк привёл себя в порядок и умотал на гору в компании вчерашнего собутыльника. Я искренне надеялась, что они продолжат банкет на природе и обойдутся без драки — норов у обоих был тот ещё. Чуть позже явился врач, и, узнав о моём желании помочь, без всякого стеснения тут же запряг менять картриджи с питательным раствором в регенерационных аппаратах, не обращая никакого внимания на протесты Пашки, обездвиженного на время процедур. Зрелище, надо сказать, было ещё то. Даже изрядно помятая физиономия Витька, которому как-то раз пришлось оказывать первую помощь, не шла ни в какое сравнение с открывшимися видами покалеченного тела. Сказать по правде, в какой-то момент меня замутило от этого вида и запаха, и я с трудом сумела взять себя в руки.

Если не считать тошнотворного вида искалеченной плоти - обслуживание регенерационных аппаратов оказалось делом не хитрым. Убедившись, что я могу самостоятельно заменить картриджи и убирать опустевшие в специальный контейнер, врач сделал какую-то пометку в своем планшете и отбыл восвояси, оставив нас наедине.

— Извини, — пропыхтел Пашка, кое-как поднимаясь с кровати. — Не хотел, чтобы ты это всё видела...

— Да ладно, тоже мне, нашёл кисейную барышню, — мой голос прозвучал неестественно весело, так, что я сама себе не слишком поверила. — Айда в Барлиону? Я хотела местные легенды почитать, авось что для новой песни сгодится.

Пашка сумрачно кивнул, и мы расползлись по разным комнатам, в которых были установлены капсулы длительного погружения.